

Л.Ю. ЯКОВЛЕВА

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАФОРОЛОГИЯ И ТОПОЛОГИЯ ГЕОБИОГРАФИИ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-03-00566

В статье проводится анализ проекта метафорологии немецкого философа Г. Блюменберга и топологической рефлексии В. Савчука. Метафорология и топологическая рефлексия закладывают методологическую основу для философского анализа метафоры жизненного пути. Метафорика жизненного пути рассматривается в контексте геобиографий. К геобиографиям относятся мемуары и путевые заметки, в которых пространственные образы сохраняют неповторимость российского ландшафта, топологическую идентичность культуры.

Ключевые слова: метафорология, топос, жизненный путь, идентичность, топологическая рефлексия, стиль культуры.

L.I. IAKOVLEVA

Postgraduate

Saint-Petersburg State University

METAPHOROLOGY AND TOPOLOGY OF GEOBIOGRAPHY

This work was supported by Grant RNF № 16-03-00566

The article analyzes the metaphorological project of H. Blumenberg and topological reflection of V. Savchuk. Metaphorology and topological reflection lay basis for philosophical reflection of life journey as a metaphor. The article examines metaphor of life journey in the context of geobiography. Geobiographies include memoirs and itineraries in which spatial images preserve uniqueness of Russian landscape, topological identity of culture.

Keywords: metaphorology, topos, life journey, identity, topological reflection, style of culture.

Письмо хранит память поколения, обеспечивая устойчивость «стиля» эпохи. Рефлексия «стиля культуры» [6] предполагает выявление специфических черт ее ландшафта и времени. Одним из возможных ракурсов культурно-философского анализа письма как формы памяти культуры, выступает постановка вопроса об условиях возможности языка памяти, специфики его метафор, образов и символов. Принадлежат ли такие виды письма, как биография, мемуары, дневниковые записи, хранящие неповторимость пространственно-временных очертаний поколения, исключительно памяти ее автора или же автор становится продуктом собственного ландшафта? Постановка данного вопроса приобретает особую значимость в контексте рассмотрения кризисных, переломных моментов истории и биографии, требующих сохранения идентично-

сти культуры и индивида. Биографию в ее связи с динамикой пространства, в дальнейшем, мы обозначим термином «геобиография» [3; С.17].

В данном ракурсе, язык мемуаров и биографий, перестает быть предметом филологических или социологических исследований, но входит в круг экзистенциальных и антропологических проблем культурно-философского анализа. В качестве отправного пункта для рассмотрения проблем культурной памяти мы избираем тип метафор, благодаря которым «пишется» российский ландшафт, сохраняются в письме приметы времени. Как представляется, наиболее продуктивной метафорой, собирающей в себе проблемы идентичности российской культуры, опирающейся на специфические хронотопологические маркеры сознания, выступает метафорика жизненного пути. В соответствие с данной метафорой, путевые заметки, образы путешествий, перемещений в пространстве и времени становятся незаменимым материалом для раскрытия проблемы. В рамках статьи, мы осветим методологическую проблематику исследования, закладывающую основания для более конкретного решения поставленных вопросов. Как отмечает Артамошкина Л. Е., в рассмотрении культурной памяти необходимо, прежде всего, «достижение некоторого концептуального равновесия в определении соотношения социального и индивидуального в культуре и в жизни отдельного человека» [1; С.174]. Метафоры культуры, в данном отношении, встраиваются в поле вопросов о типизации образов, парадигм, и соответствуют концепциям культурной и социальной памяти Я. Ассмана и М. Хальбвакса, которые за «ключевое/отправное положение принимают обусловленность индивида, его жизни миром общности: социальным миром в концепции Хальбвакса и миром культуры в концепции Ассмана» [1; С. 174]. Метафора является, таким образом, не только авторским изобретением, но и достоянием культуры в целом. Выявление парадигм, типов метафор, определяющих мысль той или иной эпохи, является главной задачей проекта метафорологии [11] немецкого философа Г. Блюменберга.

Метафорология не проясняет условия возможности индивидуального использования метафорики, но раскрывает общие для культуры метафоры, которые управляют мышлением автора. Поэтому изначальная функция метафорологии состоит в критике мышления, претендующего на безоговорочную истинности суждения. Для российской культуры, метафорика жизненного пути является важнейшим катализатором культурной памяти, имеющим длительную историю своего развития, и сохраняющимся в литературной эссеистике и биографии по настоящее время.

Метод метафорологии исходит из предпосылки, что метафоры представляют собой внутренне незавершенный ресурс языка, который в отличие от понятийного инструментария никогда не может охватить собственного объекта. Поэтому Г. Блюменберг, анализируя историю таких метафор как свет истины, сила истины, путешествие как метафору жизни, подчер-

кивает, что данные метафоры описывают не просто объект, но нечто, выходящее за пределы опыта. Метафора, которая относится к сфере, не поддающейся окончательному определению, должна быть названа «абсолютной метафорой» [10; С.12] «Трансцендентные» области, принципиально неопределимые сферы требуют «обходных путей» описания, которое всегда будет оставаться открытым для новых метафор или для изменения старой метафоры. Жизненный путь, во многом, также становится абсолютной метафорой, поскольку пространственно-временные образы дороги, путешествия метафорически переносятся на целое жизни – как жизни индивида, так и поколения. Конкретные образы, реализация метафоры в ландшафте и времени страны, описываемой в мемуарах и путевых заметках, становятся обходным путем для охвата всего жизненного мира писателя. Тем не менее, множественность подобных образов, свидетельствует об изначальной невозможности «установления» идентичности, фиксируемой в письме. Язык памяти всегда фрагментарен. Повествование, которым управляет метафорика жизненного пути, обрекает себя на «блуждание» и постоянное вопрошание о неповторимости культурного ландшафта, в котором прокладываются пути жизни. Поэтому удержание пространственно-временных очертаний эпохи или культуры в метафоре, всегда свидетельствует о возможности ее бесконечной вариации, о будущих трансформациях. Метафора становится скорее формой не-сохранения, неудержания идентичности, чем ее фиксацией в языке, что позволяет говорить о «беспамятстве метафоры» [8; С. 202]. Потребность в таком неустойчивом ресурсе для обозначения собственной идентичности свидетельствует о том, что сама идентичность имеет «...онтологический статус проекта и постулата». Как подчеркивает британский социолог Зигмунт Бауман «...Идентичность есть критическая проекция того, что требуется, и/или того чем хотят видеть то, что есть, или, еще точнее, косвенное утверждение неадекватности и неполноты последнего» [2].

Проект метафорологии является для нас той точкой отсчета, благодаря которой коллективная память путешествий, паломничества, скитаний в письме современных российских писателей становится реализацией абсолютной метафоры жизненного пути. Благодаря метафорологии Блюменберга концепция культурной памяти Ассмана переносится в сферу анализа языка и письма как форм памяти, в сферу типичных для культуры метафор. Вместе с тем, Блюменберг не останавливается на исследовании становления той или иной метафоры, которая бессознательно управляет развитием мысли, ограничивая ее притязания и смещая субъекта с устойчивых позиций. Следующим проблемным полем метафорологии, имеющим не меньшую значимость, чем типизация метафор культуры, является ее антропологический и экзистенциальных контекст. Если потребность в памяти возрастает в переломных моментах истории, то вслед за Блюменбергом

следует поставить вопрос об антропологических основаниях абсолютных метафор, сохраняющих культурную память. «Их содержание как опора для ориентаций определяет поведение, они придают миру структуру, репрезентируют никогда не испытываемое, необозримое целое реальности» [11; С. 25]. Через самоописание, то есть через определение собственного места при помощи метафор, человек согласно Блюменбергу, обретает относительную устойчивость и определенность, которая способствует его «самосохранению» [12; С.18]. Самосохранение для Блюменберга является антропологической константой, проявляющей себя в любой символической деятельности: в мифе, науке, риторике, искусстве. Как и миф, метафора представляет собой «*actio per distans*» [12; С. 11], то есть средством отдаления, откладывания на потом сферы неопределенности, получающей в своем крайнем проявлении наименование «абсолютизма действительности» [10; С. 9]. Абсолютизм действительности является доведенным до предела концептом, обозначающим гипотетический исток или чистую негативность, с которой человек на протяжении всей истории имеет дело лишь опосредованно – при помощи символических средств.

Как и миф, метафорика является не только риторическим украшением, но средством самосохранения, проведения различия «сил» между человеком, и тем, что ему предшествует. В таком случае, метафора жизненного пути, реализуемая в динамике пространственно-временных образов, позволяет проводить внутреннее различие, придавать определенность жизненному миру. Жизненный мир тем самым не получает окончательного и устойчивого образа, но становится собираемым на письме ландшафтом культуры и ландшафтом самого индивида.

Определение собственного положения как первостепенная задача удержания идентичности исходит из предпосылок топологической рефлексии – концепта, развиваемого В. Савчуком. «Топологическая рефлексия... есть поворачивание, обращение назад, обращение внимания, забота... обращение или пребывание в каком-либо месте» [4; С.19]. Метафорика становится средством топологической рефлексии, для которой место настолько существенно, что можно утверждать: «Топос в топологической рефлексии мыслит сам себя» [4; С. 146]. Расположенность в пространстве, путешествие между различными локусами и собирание подобного движения на письме не есть лишь выбор мемуариста или путешественника. Скорее мы имеем «мыслеместо» [4; С. 146], оставляющего следы на письме, пронизанного метафорикой пространства. Поэтому для упомянутого рода текстов, демонстрирующих топологическую рефлексия, правомерен термин, используемый российским географом и культурологом Д. Замятиним, а именно: геобиография. Именно в геобиографии раскрывается наибольшее поле возможностей для проблематизации топологической рефлексии, поскольку уникальные и неповторимые впечатления суть следы-отпечатки проходимой

местности, следы времени, к которому принадлежит пространство данной культуры. Так, Д. Замятин на примере геобиографии А. Григорьева отмечает: «Культурно-исторический background – вот что ищет поэт в создаваемых и разбиваемых им образах. Человек без судьбы, он разнес, разбил свою жизнь на географические отрезки, географические письма, в которых города и страны – символы и знаки его душевных состояний» [3; С. 18]. Состояния души становятся скорее путями, прокладываемыми местом, топосом, формирующим само письмо, задающим его стиль, где идентичность культуры и самоопределение писателя складываются из проходимых пространств. Тем не менее, мы имеем не только уникальность топологии, но и парадигмы, типы метафорики, поэтому «географический образ страны может «формоваться» из стереотипов» [3; С. 19].

Единство метафорологии и топологической рефлексии позволяет осуществить анализ геобиографии сразу из нескольких перспектив рассмотрения, включив биографические тексты в широкий культурно-философский контекст. Пространственно-временные образы, заложенные в метафорику жизненного пути, благодаря метафорологии и топологической рефлексии наделяются «напряжением и экзистенциальными проблемами...» [4; С.172] поскольку они «обращены к должному миру, к месту жизни, которое всегда несет на себе опасность выживания» [4; С. 173]. Как и метафорология, топологическая рефлексия тем самым говорит о самосохранении культуры и индивида. Однако, если метафорология обращена в большей степени к семантическим изменениям символического капитала, который она связывает с вопросом о положении человека, то топологическая рефлексия открывает перспективу для исследования самого пространства в его связи с телом. Феноменология тела встраивается тем самым в один из ракурсов топологической рефлексии и может служить в качестве необходимого поля исследования геобиографии как формы культурной памяти.

В то время как метафорология обращена к прошлому, к истории символических форм, и органично вписывается в представление о памяти как сохранении идентичности, топологическая рефлексия представляет собой более сложное темпоральное образование, не дающего однозначного ответа о «локализации» самой геобиографии, ее письма во времени. Даже если мы имеем дело с воспоминаниями, с уже пройденными путями, свернутыми в хронотопологическую метафорику, топологическая рефлексия направлена не только и не столько к прошлому или будущему, сколько к особому здесь и сейчас: «шаг от субъекта к человеку, собираемому здесь и сейчас уникальным образом, шаг от регулярного тождества к тождеству единиц, каждая из которых уникальна» [4; С. 153]. Геобиография для философской рефлексии становится не просто сохранением устойчивых типичных метафор, которые определяют культуру и задают тем самым через текст автора ее идентичность, но собиране уникальных топосов. Поэтому

именно реализация метафоры жизненного пути, ее конкретные вариации в геобиографиях имеет особое значение, для описания события места, которое может приобретать сакральное значение. Проходимые, проживаемые топосы «запоминаются» как память событий, решений, особого хронотопологического момента «здесь и сейчас». В экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера подобное здесь и сейчас называлось «мгновением-ока» [7; С. 338]. Несмотря на то, что Хайдеггер отдает предпочтение лишь темпоральному аспекту события, для топологической рефлексии геобиографии сохраняется равноценность пространства и времени. Здесь и сейчас является именно той формой, которая потенциально содержится в метафорическом инварианте. Метафорика жизненного пути не является уникальным решением писателя, она типична не только для самоопределения российской культуры, но и является наследником греческой мифологемы. Однако, реализация метафоры, отсылает к экзистенциальным хронотопам пути, к сакрализации места, к вопросу о самосохранении и к модусу мгновения ока.

Геобиография, таким образом, собирает динамический образ культуры и человека в ней, сохраняя интенсивность культурной топологии. Как подчеркивает французский классик постмодернистской социологии М. Оже, признаком современности становятся полностью лишённые сакральности «не-места», к которым он относит «транзитные пространства» [9; С. 93] аэропортов, пешеходных переходов метрополитена, супермаркеты, сети отелей. Подобные хронотопы лишают идентичность определенности и не предполагают возможности самосохранения от безразличия повседневной темпоральности, которая стирает черты культурного ландшафта. Такие места, соответственно, не метафоричны, но буквальны и коррелируют не с мгновением-ока, сколько с тем, что Хайдеггер обозначил в качестве «актуализации» [7; С. 338], «в котором нечто проходит, возникает или налично» [7; С. 338]. Геобиография, следовательно, стремится к «конвертации» не-места, в значимый, символический топос, заряженный экзистенциальной интенсивностью, возвращая нас в «мгновение ока».

Необходимость в исследовании метафорики жизненного пути в геобиографии, память здесь и сейчас возникает именно в ситуации кризиса идентичности. В терминах путешествия Зигмунт Бауман обрисовал эту ситуацию как переход от «паломника к туристу». Противопоставляя путешествие туристов и паломников, которые были раньше гораздо более частым явлением, чем в настоящее время, британский социолог подчеркивает: «Мир паломников – строителей идентичности – должен быть упорядоченным, детерминированным, предсказуемым, надежным, а сверх того, он должен быть таким миром, где следы хорошо впечатываются, так что пройденные маршруты и записи о них остаются в целостности сохранности. Путешествие в таком мире действительно может стать паломничеством» [2]. Для современности, полагает Бауман, нет условий, нет такой топологии, которая удержит

живала бы сакральность пространства, позволяла странствовать и не утрачивать антропоморфные очертания. Не-места безразличны к тем, кто пытается конфликт с конкретным локусом и стремится к номадической свободе движения. Совершение такого путешествия в современности обернется лишь полной утратой пути, сохранением постоянной бессобытийной актуализации, то есть времени не-мест. Если современная форма прокладывания пути по большей части представляет собой «свободный дрейф в информационном хронотопе...», то «бродящий по миру человек превращается из трансцендентального субъекта в только деструктивное существо» [5; С. 250]. Геобиография в таком случае становится усилием мысли, то есть формой рефлексии пространства и времени, неповторимости локального, его особой темпоральности. Сама геобиография становится движением на месте, путешествием, которое создает интенсивность места в письме, собирающем, сохраняющем, запинающим культурный ландшафт.

В исследовании геобиографий кризисные и переломные моменты истории позволяют раскрыть изменение стиля ландшафта одновременно с изменением личности, выявить динамику топоса и зависящего от него самоописания человека. В дальнейшем, мы более подробно рассмотрим мемуары русского писателя и искусствоведа М. Германа, тексты которого пронизаны метафорикой жизненного пути, а параллели между пространством российской культуры и европейской послужат основой для сравнения культурных ландшафтов. Среди современных российских писателей мы обратимся также к текстам П. Вайля, Т. Толстой, к дневниковым записям И. Бродского, неразрывно связанным с жанром путешествий, имеющим глубокие корни в русской культуре. Как полагает И. П. Смирнов, «странничество как культурное, сопровождаемое текстопорождением, явление берет начало на Руси, когда она сбрасывает с себя татарское иго и сталкивается с необходимостью переопределить, исторически преобразовать себя» [5; С. 237]. Необходимость «вспомнить» собственное положение, собственный топос в ситуации его утраты отсылает современные биографии к постоянно возобновляющемуся требованию сборки идентичности культуры и личности в письме, которое прослеживается на протяжении всей истории развития российской литературы [3].

Метафорология и топологическая рефлексия геобиографии с экзистенциальной аналитикой Хайдеггера и феноменологией тела выступают центральными методологическими ракурсами в выявлении идентичности российской культуры, находящейся в состоянии кризиса сознания современного человека. Конкретное воплощение метафорики жизненного пути направлено на выявление особого стиля культуры – концепта, развиваемого Е. Н. Устюговой. «Стилевая система создает портрет каждой культуры, выявляет диапазон формирования ее смыслов, их жизненную основу, образованную взаимодействием различных типов субъектности, различных культурных иден-

тичностей, которые предстают в стилевых образах» [6; С. 191]. Особое значение, в этом отношении, будет состоять в выявлении топологического и темпорального стиля, претерпевающего трансформации в истории и то, каким образом выстраивается динамика геобиографии в зависимости от изменений жизненного мира человека. Подводя итог выше рассмотренной методологической проблематики анализа литературных мемуаров в культурно-философском аспекте, мы убедились в актуальности метафорики жизненного пути, являющейся не столько филологической, сколько философской проблемой рефлексии культурной идентичности. Тем самым проект метафорологии известного немецкого философа Г. Блюменберга, многочисленные труды которого только ожидают перевода на русский язык, получает новый ракурс рассмотрения, поскольку дополняется проблемами топологической рефлексии, проблемами связи топоса и нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошкина Л. Е. Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти// Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 2, 2013. С. 174 – 178.
2. Бауман З. От паломника к туристу [Электронный ресурс] // <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/218/219>. (дата обращения: 25. 08. 2016)
3. Замятин, Д. Н. Образы путешествий: социологическое освоение пространства// Социологические исследования. М. 2002. № 2. С. 12-23.
4. Савчук, В. В. Топологическая рефлексия. СПб.: Канон +, Реабилитация, 2012. — 416 с
5. Смирнов И. П. Homo in via // Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., Алетейя, 2006. С. 238.
6. Устюгова, Е. Н. Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 260 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
8. Шевцов К. П. Что означают метафоры памяти// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I, 2013. С. 201-204.
9. Auge, M. Nicht-Orte. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1994. 142 s
10. Blumenberg H. Arbeit am Mythos. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 699.
11. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. S. 199
12. Blumenberg H. Theorie der Unbegrifflichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. S. 121.

TRANSLIT

1. Artamoshkina L. E. Topos, landshaft, biografiya: kontseptsiya kulturnoy pamyati// Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. # 2, 2013. S. 174 – 178.
2. Bauman Z. Ot palomnika k turistu [Elektronnyiy resurs] // <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/218/219>. (data obrascheniya: 25. 08. 2016)
3. Zamyatin, D. N. Obrazyi puteshestviy: sotsiologicheskoe osvoenie prostranstva// Sotsiologicheskie issledovaniya. M. 2002. # 2. S. 12-23.

-
4. Savchuk, V. V. Topologicheskaya refleksiya. SPb.: Kanon , Reabilitatsiya, 2012. — 416 s
 5. Smirnov I. P. Homo in via // Smirnov I. P. Genezis. Filosofskie ocherki po sotsiokulturnoy nachinatelnosti. SPb., Aleteyya, 2006. S. 238.
 6. Ustyugova, E. N. Stil i kultura: Opyit postroeniya obschey teorii stilya. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. 260 s
 7. Haydegger, M. Byitie i vremya. M.: Ad Marginem, 1997. – 451 c.
 8. Shevtsov K. P. Chto oznachayut metaforyi pamyati// Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosyi teorii i praktiki. # 4 (54): v 2-h ch. Ch. I, 2013. C. 201-204.
 9. Auge, M. Nicht-Orte. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1994. 142 s
 10. Blumenberg H. Arbeit am Mythos. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 699.
 11. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. S. 199
 12. Blumenberg H. Theorie der Unbegrifflichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. S. 121.